

ГраMATчикова Н. Б.

ORCID: 0000-0002-2585-7399

Екатеринбург, Россия

Никандрова А. В.

Екатеринбург, Россия

УДК 821.161.1-6

DOI 10.26170/2306-7462_2023_01_06

«ТРУДНО СНАЧАЛА БЫЛО ХОДИТЬ В НОГУ»: ПИСЬМА С ФЛОТА КАК ПРАКТИКА ПРЕОДОЛЕНИЯ ИЗОЛЯЦИИ (1960-е)

Аннотация. Материалом исследования стала коллекция писем Н. А. Никандрова (около 250 шт.), ведущего переписку со своей будущей женой в течение пятилетней службы в Морфлоте. Эти письма становятся свидетельством и местом осуществления нескольких разнонаправленных процессов: с одной стороны, социальной и профессиональной адаптации, с другой, — осознания своего несовпадения с другими. Следствием принудительной «изоляции» становится двойное разграничение мира, а ощущение одиночества — постоянным побудительным фоном саморефлексии молодого человека. Фрагменты нарративов писем могут быть рассмотрены через категории самости и самоидентичности (П. Рикер), где постижение собственного «Я» в их диалектике, через обязательства перед любимой, верность своим жизненным принципам, вербализацию своей инаковости. Кроме того, в письмах фиксируются такие «рутинные» (В. Голофаст) для ситуации переживания изоляции моменты как дискретность времени, обесценивание прежде привлекательных занятий, потребность в регулярной поддержке и коммуникации. Ситуация вынужденной письменной, часто отложенной, коммуникации, разыгрывается героями нашего исследования как возможность прояснить многие деликатные темы и ценностные моменты.

Ключевые слова: письма; изоляция; «самость»; «инаковость»; саморефлексия; идентичность; постижение «Я»

Gramatchikova N. B.

Nikandrova A. V.

Ekaterinburg, Russia

“IT WAS DIFFICULT AT FIRST TO WALK IN STEP”: LETTERS FROM THE FLEET AS A PRACTICE TO OVERCOME ISOLATION (1960s)

Abstract. The research material was a collection of letters from N. A. Nikandrov (about 250 pieces), who corresponded with his future wife during his five-year service in the Morflot. These letters become evidence and a place for the implementation of several multidirectional processes: on the one hand, social and professional adaptation, on the other, awareness of one’s mismatch with others. The consequence of forced “isolation” is a double delimitation of the world, and the feeling of loneliness becomes a constant motivating background for a young person’s self-reflection. Fragments of the narratives of letters can be viewed through the categories of self and self-identity (P. Ricoeur), where the comprehension of one’s own “I” in their dialectics, through obligations to one’s beloved, fidelity to one’s life principles, verbalization of one’s otherness. In addition, such “routine” moments (V. Golofast) for the situation of experiencing isolation are recorded in the letters as the discreteness of time, the depreciation of previously attractive activities, the need for regular support and communication. The situation of forced written, often delayed, communication is played out by the heroes of our study as an opportunity to clarify many delicate topics and valuable points.

Keywords: letters; isolation; “self”; “otherness”; self-reflection; identity; comprehension of “I”

Изучение эго-документов в антропологическом плане проясняет связь между биографическим лицом, являющимся автором текста, и тем образом повествователя, каким человек «задокументировал» себя в продуцируемом им тексте. Тем самым мы видим, что так называемые *самосвидетельства* являются результатом попытки вступления в отношения с самим собой: человек, создавая текст, создает пространство, в котором пытается понять себя, рассказать о себе, определить ценностные ориентиры, скорректировать задачи и траектории собственной жизни.

Исследование отношений человека «пишущего» к человеку «реальному», физически осуществляющему жизненный путь, является одной из возможностей культурно-опосредованного движения от эго-документов к выяснению жизненных приоритетов людей в разные эпохи. Не менее важным является и движение от человека к документу, т. е. выявление особенностей создаваемых человеком текстов, интерпретация раскрытия им своей личности в тексте.

Термин «эго-документ» в данном контексте понимается нами как авторский лично-значимый культурный текст, позволяющий человеку в самокоммуникации осуществлять важные процедуры самопознания, самопонимания, в интеркоммуникации — саморепрезентации и самореализации [Мордовина 2017]. Таким образом, герменевтический круг в нашем случае выглядит как челночное движение от документа к человеку и обратно.

Автор документа создает, осознанно или не вполне, вариант саморепрезентации, причем автор и герой в эго-документах могут сливаться до неразличимости (как для автора текста, так и для исследователя). С другой стороны, скриптор письма или дневника неизбежно проходит стадию раздвоения своего «я» на внешнее, физическое, и на «я», отраженное в тексте, которое мы можем назвать действующим лицом, субъектом, от чьего лица ведется повествование.

Особняком среди эго-документов стоят письма. Н. А. Ковалева пишет: «Представляя личностное речевое общение, эпистолярный отражает культуру, язык, стилистику своего времени в лексико-семантическом и синтаксическом контексте. Жанр текста письма — социально обусловленная конвенция языкового общения, существующая как единство коммуникативно-прагматических, структурносемантических и эмотивно-аксиологических свойств. Коммуникативные функции эпистолярия отвечают запросам эпохи и эволюционируют вместе с ней...» [Ковалева 2002: 6] В соответствии с одной из выдвигаемых М. Ф. Румянцевой классификаций, личные источники могут быть направлены на установление связей как в эволюционном, так и в коэкзистенциальном целом [Румянцева 1998: 467]. К источникам, направленным на коммуникацию главным образом в коэкзистенциальном целом, Румянцева относит дневники и частную переписку. Под коэкзистенциальным целым Румянцева имеет в виду способность рассмотрения личных документов не как части, включенной в общий исторический ход времени, но как того, что существует в культурном пространстве и может быть рассмотрено

с помощью структуралистских и компаративных подходов. Так, письма создаются, в основном, не для хранения и передачи информации следующим поколениям, а, главным образом, для осуществления коммуникации.

Хотя важнейшая функция писем — это коммуникация, но за счет присутствия в ней элемента «отложенности» (временного разрыва, несовпадения письма и ответа на него, асимметрии пишущих сторон и др.) исследовательски не исключается возможность фокусирования внимания лишь на одном из субъектов этого диалога: так мы получаем возможность анализировать внутренний мир человека, его самопонимание и самореализацию в этом мире, временно «вынеся за скобки» воспринимающую сторону.

Проясняя далее понятие коэксистенциальности, можно говорить о концепте «коэксистенциального общения». Понятие коэксистенции было выдвинуто итальянским философом и социологом Николой Аббаньяно, но не было сформулировано им. Из работ Аббаньяно становится ясно, что под коэксистенцией он понимает особую форму со-бытия субъектов, утверждающихся в своей фундаментальной (трансцендентальной) возможности и посвятивших себя реализации собственного жизненного предназначения [Байбородов 2016: 12]. Таким образом, можно говорить об особой функции писем — формирование «самости» человека.

В письмах, как и в любых эго-документах, выстраивается концепция «Я», при этом «Я» в письме следует рассматривать «не как имманентную часть реальности, а как нечто, формируемое, конструируемое или даже изобретаемое, то есть как лингвистический, культурный и социальный конструкт» [Зарецкий 2021: 194–195]. Исходя из этого положения, мы можем сказать о том, что рассмотрение личных документов, которые были созданы автором в течение нескольких лет, отражают его личностное развитие, динамику внутренних чувств и состояний.

Материалом нашего исследования стала коллекция писем Николая Александровича Никандрова (около 250 шт.), ведущего переписку со своей будущей женой Лилией Петровной Шичевой в течение пятилетней службы (1962–1966 гг.) в Военно-морском флоте. Письма не опубликованы и являются частью семейного архива семьи Никандровых. Анализ документов личного характера, авторами которых являются «обычные» люди (и не профессионалы пера), прежде всего, примечателен тем, что такие тексты в наибольшей степени

являются неотъемлемой частью того культурного целого, в котором они существовали во время своего создания.

Как мы уже писали выше, для нас значимо, что эго-документ представляет из себя текст, где «доминирует авторская (субъектная) составляющая линия. Телеология эго-документов может быть описана эгоцентрической формулой “я-в-мире”» [Пархомовский 1989: 14]. Эго-документ в таком случае становится свидетельством того, какие аспекты реальности привлекают автора, в нем проявляется и субъектность (agensy) и субъективность автора, т. е. его целеполагание и действия, а также мировоззрение и восприятие объективной реальности [Wilson, Shpall 2016].

Что касается героев нашего исследования, служба в армии была нормативной практикой, сочетающей в себе элементы социальной интеграции и индоктринации с социальной изоляцией, которую проходили сотни тысяч молодых людей СССР. Сложносоставный опыт прохождения службы отражается в письмах Николая через новое «деление мира»: разграничение мира на «локальный», границы которого очерчены пределами корабля, и «глобальный», далекий, в котором живет Лилия и семья Николая.

Сознание наложенных ограничений, ощущение изолированности и попытки ее преодоления посредством принятия можно заметить еще в самых первых письмах Николая: *«Вот теперь я понял, как нужна матросу или солдату девичья дружба. Где бы я не был, всегда думаю, думаю только о тебе. Это правда. Ведь мы с тобой, как никто другой наверно не был еще, находились так долго вместе. Привыкли друг к другу, полюбили. Трудно было, очень трудно раставаться»* [Николай Никандров¹, 12.12.62].

В связи с этим мы можем говорить о возникновении двух разнонаправленных процессов. С одной стороны, происходит социальная и профессиональная адаптация: Николай осознает себя матросом («матросским приветом», «ведь это армия, а я курсант»), пытается влиться в коллектив, стать частью чего-то целого, но при этом обособленного — военно-морского братства, семьи («одна дружная, веселая, большая семья» [25.12.62 (2)]). Включаясь в новый для себя «мир», он считает необходимым подчиняться его правилам, что как раз свидетельствует о процессе адаптации («Я мог бы

¹ Здесь и далее автором всех цитируемых писем является Николай Александрович Никандров, далее указываем только датировку письма.

написать ночью, но отбой есть отбой»). Свидетельством смены «мира» является сравнение своего нового положения с уже имеющимся опытом: *«Трудно сначала было ходить в ногу. Знаешь, Лиленок, ведь у меня не получалось сменить ногу на ходу, когда ходили с тобой»* [12.12.62]. Через осознание общности он обретает внутреннее единство, преодолевает изоляцию, становясь частью коллектива. С другой стороны, в ходе активного взаимодействия с сослуживцами Николай проходит через процесс осознания собственной «самости» и несовпадения с другими молодыми людьми. Именно в армии он формирует то, что можно назвать ценностями личности, взглядами на жизнь, пониманием и разграничением категорий должного и порочного.

Через оценку происходящих событий происходит формирование собственного отношения к ним, выстраивание обобщенной модели ситуации модели и перенесение ее на себя и свою жизнь: *«Многие ребята будучи на службе, заводят знакомства с девушками данного города. А какой, собственно говоря, интерес? Никакого! Разве устроят 3–4 часа в неделю, которые проведешь вместе? Нет и нет!»* [30.06.63].

Николай не только приходит к осознанию собственных ценностей ориентиров, но и излагает их своей возлюбленной (точнее — формулирует собственные ценности в постоянном диалоге с Лилией) для выстраивания общего ценностного круга, который бы позволил их отношениям развиваться даже в условиях разлуки. Осознание своей непохожести на остальных порождено постижением собственного «Я», что происходит благодаря мысленному сравнению себя с другими, выражению собственного оценочного отношения к поступкам своих знакомых и друзей.

Пользуясь терминологией П. Рикера, можно говорить о том, что «самопонимание есть интерпретация; интерпретация «Я», в свою очередь, находит в повествовании, среди прочих знаков и символов, преимущественное опосредование; это последнее совершает заимствования как у истории, так и у художественного вымысла, превращая историю какой-либо жизни в вымышленную историю» [Рикер 2008: 143]. Таким образом, нарративная идентичность, имплицитно содержащая диалектику тождественности и самости, выступает у Рикера опосредованным способом постижения «Я». Таким образом, через рассказы о жизнях других людей Николай постигает себя, свое «Я».

Примером может служить рассказ о жизни друга, где можно наблюдать постепенный переход от конкретного жизненного эпизода к любовной проблематике («*Лилик, сегодня с одним своим хорошим другом решил сходить в увольнение. И так не понравилось, просто ужасно. Конечно, у него имелась девушка. Ну, встретились и ходили вместе, т. к. он меня попросил не покидать. Правда, третий — лишний, но случается и такое, когда приходится им быть. За четыре часа отпуска она не сказала ни одного разумного слова. Может быть по глупости, т. к. ей всего 18й год или какая другая причина. На мой взгляд русские девчонки самые лучшие во всех отношениях*» [30.06.63]) — воспринимается как вымышленная ситуация, введенная для изложения своих мыслей, что углубляет у автора постижение «Я». Мы можем говорить в данном случае о фикциональности описания, поскольку оно схематично и служит, скорее, для конкретизации своей позиции, своих мыслей.

Что касается диалектики самости и тождественности, то для описания существования Я в модусе самости Рикер вводит понятие Я-сам, где термин «сам» служит гарантом против редукции к замкнутости в себе. При этом французский мыслитель считает, что путь через объективацию есть кратчайший путь от Я к Я-сам. Под *тождественностью* он понимает «перманентность неизменной субстанции», которую не затрагивает время, и полагает, что подобная самоидентичность присуща «характеру» или генетической формуле индивида, тогда как под *самостью* человека он имеет в виду его открытую изменениям и самоизменениям идентичность. Подобную идентичность, которую человек строит сам, благодаря верности делу или тем или иным нормам, идеалам, моделям, связанную с обязательствами перед другими людьми и перед самим собой, Рикер называет эмблематическим образом идентичности и обозначает словом «самость». Таким образом, *самость* — это модель идентичности, основанная на временной структуре, которая предполагает верность обязательствам. Построение Николаем своей идентичности происходит через обязательства перед любимой и верность своим жизненным принципам: «*Разлука заставляет проверить себя в верности друг другу*» [25.09.63].

Постижение собственного «Я» происходит в письмах Николая не только через сравнение с конкретными людьми, но и с целым поколением, так называемым «атомным веком» и его молодежью

(«*пошла современная молодежь*»). Мир размечен новыми ценностными границами:

— изменение привычной жизни: сообщество сослуживцев/общество возлюбленной

— отношения с Лилей: мы и наши ценности/современное поколение и отсутствие ценностей

— жизнь внутри корабля: я/другие молодые люди

Подобное расщепление является причиной динамики внутреннего состояния Николая, которое мы можем проследить от начала службы в 1962 до ее завершения в 1966 году. Переживание изоляции порождает активную саморефлексию в письмах Николая, которая выходит в его письмах на первый план в 1963 г.: *«В голову ничего не идет, а на душе пасмурно, как никогда. Сегодня снова воскресенье. Оно точно такое, как и предыдущее», «Можно идти в увольнение. А смысл. Никого нет. Поэтому никуда не хожу. Лучшие смотрю телевизор»* [10.02.63].

Оторванность от обычного уклада становится причиной депрессивного состояния Николая. Неизменность армейского жизнеустройства, разлука с любимой лишь постепенно начинают восприниматься им как рутинные события (в терминологии В. Голофафа), как что-то неизменное в жизни. На первый план в его письмах выходят собственные переживания, ощущение дискретности времени, обесценивание прежде привлекательных занятий, потребность в регулярной поддержке и коммуникации. «Такие концептуализации обихода, как повседневность, рутина, традиция, обычай и ритуал <...> фиксируют лишь немногие стороны. В основном это повторяемость, привычность в пределах данного круга лиц, и, в ограниченном смысле слова, традиционность, обычность, отсутствие удивления, странности, необходимость в дополнительном пояснении или разъяснении, неявный характер связи с моральными и авторитетными требованиями, добровольность, непроблематичность, произвольность. И значит — как бы обезличенность, интерсубъективность, высокая степень взаимной приемлемости» [Голофаф 1995: 81].

Николай находит внутреннюю поддержку в самом процессе письма и даже внутреннего диалога с Лилией, которой в 1966 г. он уже пишет о том, как преодолевает состояние изоляции: *«Знаешь, Лилюня, если у меня что-то не получается или вышло не так, как нужно я всегда начинаю писать тебе письмо. Стоит немнож-*

ко поговорить и все проходит» [17.03.66]. Ближе к концу службы ощущается превалирование оптимистичных нот в его тоне: *«Но ничего, родная, время работает только на нас. Разлука сокращается с каждым прожитым днем»* [17.03.66].

Вынужденная, но продолжительная изоляция времени службы проецируется Николаем в его личное пространство: в письмах он получает возможность противопоставлять себя и свой круг ценностей и мнений своим сослуживцам, молодым людям вообще, современному поколению в целом, что позволяет очертить и прояснить собственную идентичность. Постигание своей «самости», в свою очередь, отражаясь в продуцируемых им письмах своей возлюбленной, влияет и на развитие их отношений на расстоянии.

Возвращаясь вновь к основной, коммуникативной функции писем, отметим, что Николай и Лилия вполне осознанно используют время вынужденной разлуки и письменного общения как возможность прояснить многие деликатные темы и ценностные моменты. Проходя через отрицание и непонимание сущности разлуки, Николай приходит к ее внутреннему принятию; постепенно появляются мысли о необходимости и неизбежности этой ситуации, успешное прохождение которой должно проверить чувства на прочность, стать доказательством истинности любви: *«Конечно, очень плохо, что мы далеко друг от друга и не можем в нужную минуту оказать достаточной помощи и поддержки. Но ничего, родная, время работает только на нас»* [17.03.66].

Контекст эпистолярной коммуникации Лилии и Николая расширяется за счет тем, которые «поставляет» им массовая культура в самом широком смысле и в разных своих видах: вербальном, музыкальном, визуальном и др. (песни, фильмы, стихи и др.). Так, например, популярные советские фильмы в большинстве своем транслировали «правильные» модели поведения в сложных жизненных обстоятельствах. Однако в наиболее развернутые нарративные фрагменты в переписке Николая и Лилии касаются фильмов зарубежного производства, дающих большую пищу для размышлений. Формирование собственного мнения по поводу просмотренных кинематографических картин и последующее обсуждение друг с другом проблемных вопросов позволяет Лилии и Николаю, проецируя обсуждаемые сюжеты фильмов на свою жизнь, формировать общий круг ценностей и убеждений. В процессе диалога они обсуждают феномен запретной любви (*«Вчера вечером я смотрел “Иванна”*

и «Обманутые». <...> Но вот случилось, что молодая монахиня любила учителя и он ее тоже. <...> Любовь украшает жизнь, делает ее светлой, счастливой, радостной» [10.03.63]), брачные отношения и связанный с ними «супружеский долг» («Вечером с мамой сходили в наш клуб в кино «Грешиница» на антирелигиозную тему в то же время и смешное и очень переживательное. Там есть один артист который вызывал смех мама метко его охарактеризовала назвав «кислогубым». Эта характеристика подходит в том случае, когда его жена не пускает вместе с ней спать и он кричит возмущенный: «Я муж ей или не муж!». И бегаем по комнате в одних подштанниках» [Лилия Шичева, письмо от 13.12.62]), воспитание детей («ходили на фильм «Неприкасаемая» <...> Нужно воспитывать так, чтоб не чувствовалось никакой разницы. Не отравлять детский организм разными упреками и колкостями, которые, как ржавчина, разъедают душу и впоследствии оставляют глубокий след. картина на меня оказала огромное влияние, заставила оглянуться назад» [04.09.63]).

Чаще всего предметами обсуждения в письмах Лилии и Николая выступают вопросы любви и дружбы, предательства, сохранения чести, принципы построения семьи и семейной жизни. В письмах Лилии просматривается ориентация на построение семьи, она отмечает для себя моменты, связанные с замужеством, с супружеским долгом, с принципами построения крепких отношений. В письмах же Николая поднимаются сложные темы «запретной» любви, он высказывает свои мысли о должном воспитании детей, основываясь на своем непростом жизненном опыте. Выход на проблемные вопросы обуславливал конструктивный диалог, который позволил Лилии и Николаю развивать свои отношения и говорить о том, что по-настоящему их волнует.

Переписка двух молодых людей 1960-х гг. показывает нам различия в обсуждении тем на гендерном уровне. Выстраивание автотоконцепции в исследуемых нами письмах происходит в процессе обсуждения проблемных, волнующих молодых влюбленных тем: ревность, предательство, измена, размышления о «должном» в отношениях, обсуждение противоречивых случаев из жизни. Во время подобных «дискуссий» (как сами пишущие именуют эти обсуждения), выстраивается референтный круг и определяется специфика построения отношений, в том числе гендерная. Николай чаще описывает поведение девушек в отношениях, их страхи и риски, держа

в фокусе внимания «других». В группе «своих» он четко проводит границу между парнями, которые могут бесчестно поступить с девушкой, и собой, поскольку для него это недопустимо.

Письма демонстрируют нам и различия коммуникативных стратегий влюбленных. Николай склонен выносить сложные темы (измена, ревность, предательство и др.) на обсуждение, используя в призывах совмещение дискурсов — обращение «любимая» и клише «прошу высказать свои мнения...» Лилия же, сохраняя доверительность обращений (Барколька... и др.), старается уклониться от обсуждения тем, кажущихся ей «небезопасными». В ее ответах на запросы Николая чувствуется боязнь категоричности и попытка уйти от выражения собственной позиции: *«В общем Барколик, я не знаю может ревность зависит от темперамента людей»* [Лилия Шичева, письмо от 02.09.63]. Тогда как вообще отношения, их прочность и качество очень важны для Лилии: она с воодушевлением говорит о принципах их выстраивания.

Изоляция, через которую проходит Николай в годы службы, становится важным этапом в его жизни, что отражается в письмах Лилии. Динамика его внутреннего состояния фиксируется через усиление рефлексивного элемента писем, что, в свою очередь, является следствием постепенного принятия им своего положения в новых условиях существования. В письмах просматривается разграничение некогда целостного мира на мир глобальный и локальный. Становится очевидным постижение своего «я» через последовательное сопоставление себя с другими (товарищ/сослуживцы/молодые люди/современное поколение/«атомный век»). Опираясь на исследования Рикера, мы обнаружили возможность и продуктивность применения на материале писем позднесоветской эпохи категорий тождественности и самости, проявляющейся через обязательства перед своей возлюбленной и верность своим жизненным ориентирам.

Длительная переписка в ситуации вынужденной разлуки, выстроенная конструктивно, честно и глубоко, с опорой на широкий, доступный авторам, контекст массовой культуры, во многом определила и характер дальнейших взаимоотношений влюбленной пары. Не только Николай приходит к принятию разлуки как момента испытания чувств и находит убедительные способы преодоления изоляции, но постепенно оба возлюбленных приходят к стратегической оценке разлуки как времени испытания чувства на истинность и прочность, переходя к практикам формулирования

общих ценностных иерархий и обсуждения деликатных, но важных тем и моментов.

ЛИТЕРАТУРА

Байбородов А. Ю. Коэкзистенциальное общение: к вопросу об определении понятия // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2016. С. 9–12.

Голофаст В. Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал, 1995. Том. 0. № 1. С. 71–88.

Зарецкий Ю. П. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // Неприкосновенный запас. № 3 (137). 2021. С. 184–199.

Ковалева Н. А. Русское частное письмо XIX в.: Коммуникация, жанр, речевая структура: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. М., 2002.

Люцай И. А. Исторические источники личного происхождения и их информационная ценность // Молодой ученый. 2017. № 6 (140). С. 375–378. [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/archive/140/39375/> (дата обращения: 12.03.2022).

Мордовина Д. А. Я-документы как самосвидетельства жизненного пути человека: автореф. дис. ... д-ра филос. наук, 2017. 152 с.

Пархомовский М. А. Сын России, генерал Франции. М.: Московский рабочий, 1989. 271 с.

Рикер П. Я-сам как другой. Пер. с франц. М., 2008. 416 с.

Румянцева М. Ф. Исторические источники XVIII — начала XX века // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. С. 318–505.

Wilson G., Shpall S. Action // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E. N. Zalta. Stanford University, 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/action/> (дата обращения: 15.03.2022)

REFERENCES

Bajborodov A. Yu. Koekzistencial'noe obshchenie: k voprosu ob opredelenii ponyatiya [Existential communication: on the problem of defining concepts] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 2016. S. 9–12.

Golofast V. B. Mnogobrazie biograficheskikh povestvovaniy [The variety of biographical narratives] // Sociologicheskij zhurnal, 1995. T. 0. № 1. S. 71–88.

Kovalyova N. A. Russkoechastnoepis'mo XIX v.: Kommunikaciya, zhanr, rechevaya struktura [Russian private letter of the XIX century: communication, genre, speech structure]: avtoref. ... dis. d-rafilol. nauk. M., 2002.

Lyucaj I. A. Istoricheskie istochniki lichnogo proiskhozhdeniya i ih informacionnaya cennost' [Historical sources of personal origin and their informational value] // Molodojuchenj. 2017. № 6 (140). S. 375–378. [Available from] URL: <https://moluch.ru/archive/140/39375> (accessed: 12.03.2022).

Mordovina D. A. Ya-dokumenty kak samosvidetel'stva zhiznennogo puti cheloveka [Ego-documents as self-evidence of a person's life path]: avtoref. dis. ... d-rafilos. nauk, 2017. 152 s.

Parhomovskij M. A. Syn Rossii, general Francii. [Son of Russia, General of France]. M.: Moskovskij rabochij, 1989. 271 s.

Ricoeur P. Soi-mêmemcomme un autre. [I'm like another]. M., 2008. 416 s.

Rumyanцева M. F. Istoricheskie istochniki XVIII — nachala XX veka [Historical sources of the XVIII — early XX century] // Istochnikovedenie: Teoriya. Istoriya. Metod. Istochniki rossijskoj istorii: / I. N. Danilevskij, V. V. Kabanov, O. M. Medushevskaya, M. F. Rumyanцева. M.: Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 1998. S. 318–505.

Wilson G., Shpall S. Action // The Stanford Encyclopedia of Philosophy/ed. by E. N. Zalta. Stanford University, 2016. [Available from] URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/action> (accessed: 15.03.2022).

Zareckij Yu. P. Ego — dokumenty sovetskogo vremeni: terminy, istoriografiya, metodologiya [Ego-documents of the Soviet era: terms, historiography, methodology] // Neprikosnovennyj zapas. № 3 (137). 2021. S. 184–199.

Данные об авторе

Граматчикова Н. Б. — к. филол. н.,
Институт истории и археологии УрО РАН,
ст.науч.сотр.

E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

Никандрова А. В. — бакалавр
(2 курс) департамента «Филологический
факультет» УГИ УрФУ

E-mail: nickandrovaal@yandex.ru

Author's information

Gramatchikova N. B. — Ph.D.
in Philology, Institute of History and Ar-
cheology of the Ural Branch of the Rus-
sian Academy of Sciences, senior
researcher.

Nikandrova A. V. — Bachelor (2nd
year) of the Department of "Philological
Faculty" UGI UrFU